

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК811.161.1'42

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-3-6-17

ГЕРМАНИЯ И НЕМЦЫ В ВОСПРИЯТИИ Д.И. ФОНВИЗИНА (ЛИНГВОИМАГОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Иванова Л. П.

*Национальный педагогический университет имени М.П. Драгоманова
01054, г. Киев, ул. Тургеневская, д. 8/14, Украина*

Аннотация. Статья содержит лингвоимагологический анализ видения выдающимся русским писателем Д.И. Фонвизиним Германии – немцев, её городов, обычаев, архитектуры и искусства. Анализ осуществлён на материале личных писем автора, что обусловило эмоциональность оценок. В эпистолярной предстает многогранный облик Д.И. Фонвизина: талантливый писатель, государственный деятель, учёный, стремящийся выявить причинно-следственные отношения, доброжелательный и любознательный человек.

Ключевые слова: лингвоимагологический анализ, оценка, Д.И. Фонвизин, Германия.

GERMANY AND THE GERMANS IN THE PERCEPTION OF D. FONVIZIN (LINGUISTIC-IMAGOLOGICAL ASPECT)

L. Ivanova

*Dragomanov National Pedagogical University
8/14, Turgenevskaya street, Kiev, 01054, Ukraine*

Abstract. The article contains linguistic-imagological analysis of D. Fonvizin's vision of Germany – the Germans, their cities, customs, architecture and art. The author's private correspondence was analyzed, which determined the emotionality of the opinions. The epistolary presents D. Fonvizin as a versatile personality – talented writer, statesman, scientist aspiring to reveal the cause-and-effect relationships, benevolent and inquisitive person.

Key words: linguistic-imagological analysis, opinion, D. Fonvizin, Germany.

В последние годы объектом наших размышлений и описаний явилась лингвоимагология – новое направление, призванное охарактеризовать образ, имидж

(отсюда термин) одного народа или страны в глазах другого. Теоретическому обоснованию данного подхода и направления в целом, отграничению от смежных явлений мы посвятили целый ряд статей и выступлений на научных конференциях разного уровня. В целях экономии места повторяться не будем, своё внимание сосредоточим на более частной проблеме – видении Германии и немцев Д.И. Фонвизиним. Такого рода описания приближают к решению главной проблемы – восприятию народа и страны глазами другого народа. По нашим наблюдениям, выдающиеся писатели в силу своего таланта и народности способны представить оценку родного народа. Для подтверждения данного положения мы обратились к концепции В.М. Солнцева, согласно которой народная точка зрения – инвариант, реализующийся в вариантах – видении отдельных выдающихся писателей. С одной стороны, учёный подчёркивает, что свойство инвариантности может быть отнесено только к абстрактным предметам и к абстрактным свойствам предметов [6, с. 213]. Образ народа или страны в сознании представителя другого народа, все всякого сомнения, абстрактен.

С другой стороны, инвариант «...есть то общее, что объективно существует в классе относительно однородных предметов и явлений. Инвариант как абстрактный предмет конструируется мысленно путём извлечения общего из ряда предметов или явлений и отвращения от несущественных для данного класса различий между предметами. Инвариант есть идеальный объект, который может быть использован для изучения общих

свойств данного ряда предметов и любого предмета, входящего в тот же ряд [6, с. 213]. Последний является вариантом.

Известно, что впервые понятия инварианта / варианта сформировались в области фонологии, затем синтаксиса. Считаем возможным применить их к ментальным процессам. В частности – к созданию образа.

В сфере лингвоимагологии это выглядит так: в художественных, публицистических, мемуарных и эпистолярных текстах создаются индивидуальные образы других стран и народов – варианты. В результате вычленения общего, главного, что наблюдается во всех или в абсолютном большинстве текстов, формируется инвариант – национальное видение другого народа.

В подтверждение нашей идеи приведём ещё одну цитату из книги В.М. Солнцева: «Свойство инвариантности характеризует то общее, что есть у данного единичного предмета с другими ему подобными. Вариантность характеризует то особенное, что есть у данного предмета в отличие от других ему подобных, с которыми он связан через свои инвариантные свойства. Инвариантные свойства предмета представляют собой основу конструирования идеального предмета, в котором сняты варианты черты» [6, с. 217].

Естественно, наш анализ не ограничивается одним Д.И. Фонвизиним, в большом количестве произведений и авторов индивидуальная точка зрения обобщается и унифицируется, что даёт основания говорить о национальном восприятии (см., напр., [3]).

Денис Иванович Фонвизин достаточно известен современному чита-

телю. Для большинства он автор бесмертного «Недоросля», расцвет его личности и творчества приходится на XVIII в. По мнению Г.П. Макогоненко, сыгравшего существенную роль в публикации наследия Д.И. Фонвизина, «К середине 80-х годов сложилось ... довольно определённое читательское представление о Фонвизине. Фонвизин – это *драматург*, сочинитель «Бригадира» и «Недоросля», *поэт* – автор сатирических стихотворений «Лисица-Кознодей» и «Послание слугам моим» и, наконец, *переводчик*, переводивший нравоучительные или сентиментальные произведения» [7, с. 623-624]. В те времена литературный труд ещё не был достаточным материальным источником, поэтому играл второстепенную роль в жизни и деятельности человека. Так и Д.И. Фонвизин был блестящим и авторитетным дипломатом, политиком.

Материалом для нашего исследования послужили письма Д.И. Фонвизина, написанные прежде всего родным, а также П.И. Панину и другим. Г.П. Макогоненко обобщает: «...писатель рассказал о своих заграничных впечатлениях, о знакомстве с Францией, Германией и Италией. Письма Фонвизина разнообразны по содержанию: это и подробная информация о великих успехах русской дипломатии, и ироническая зарисовка быта, путевые очерки наблюдательного и умного писателя и рассуждения о политическом и социальном положении Франции накануне революции, размышления о русских и французских театрах и мысли о национальном характере, оценка литературных произведений и беспощадное обличение католической церкви, замечания об искусстве

Италии и зашифрованные сведения о личном участии в политических событиях в пору, когда казался возможным приход Павла к власти в связи с его совершеннолетием. Письма широко и полно характеризуют энциклопедизм Фонвизина: гневный сатирик, памфлетист и крупный русский дипломат, знаток литературы, искусства и театра и страстный политик, учёный-филолог и образованный переводчик [7, с. 691].

Подчёркнутая многогранность Д.И. Фонвизина проявилась и в его суждениях о Германии и немцах. Подчеркнём, что на мир Д.И. Фонвизин смотрит глазами русского человека. Не случайно А.С. Пушкин в письме брату подчёркивает: «...не фон Визин, а Фонвизин, потому что он русский-перерусский» (более детально – [2, с. 27-28]). В «Евгении Онегине» автор даёт творчеству и гражданской позиции Фонвизина очень высокую оценку: «Там в стары годы, сатиры смелый властелин, Блистал Фонвизин, друг свободы» [4, с. 16].

В Германии Д.И. Фонвизин обратил внимание на города в целом, их архитектуру, дороги, постоялые дворы, немецкий характер и образ жизни немцев, театр, живопись, музыку и др. Наше описание построим в соответствии с обозначенными тематическими группами.

1. Города в целом;

2. Дороги и постоялые дворы как отражение культуры, а также искусство, церковь, обычаи;

3. Немцы.

1. Города в целом

а) Лейпциг

О городах будем писать в соответствии с маршрутом Д.И. Фонвизина,

то есть по мере появления их описаний в письмах. Итак, первый город – Лейпциг. «Из всех городов до здешнего ... Лейпциг всех сноснее» [7, с. 509] – оценка скорее позитивная.

Путешественник иронизирует по поводу учёности его жителей: «Я нашёл сей город наполненным учёными людьми. Иные из них почитают главным своим и человеческим достоинством то, что умеют говорить по латыни, чему, однако ж, во времена Цицероновы умели и пятилетние ребята; другие, вознесясь мысленно на небеса, не слышат ничего, что делается на земле; иные весьма твёрдо знают артифициальную логику, имея крайний недостаток в натуральной; словом – Лейпциг доказывает неоспоримо, что учёность не родит разума. Оставя сих педантов, поехал я...» [7, с. 454].

Микротекст построен на антитезах, вторая часть которых иронически опровергает первую: умение говорить «по латыни» (мы бы сказали «на латыни») / в Древнем Риме это умели делать дети; небеса / земля; артифициальная логика (А.Н. Булыко трактует это слово так: «Артифициальный (фр. *artificiel*) – искусственный (о системе логики)» [1, с. 60]) / натуральная логика (А.Н. Булыко: «Натуральный (лат. *naturalis* = природный, естественный) – 1) свойственный природе, соответствующий действительности» [1, с. 383]). Таким образом, Д.И. Фонвизин подчёркивает оторванность от жизни «учёных людей» Лейпцига. Завершает рассуждение афоризм: «учёность не родит разума». Для сравнения отметим, что А.С. Пушкин и его герои высоко ценили немецкую философию и «учёности плоды» «Германии туманной» [4, с. 38], [2, с. 53-54, 59-60, 65-66].

В итоге русский путешественник именует учёных, которых характеризует, педантами («Педант (фр. *pedant*, от ит. *pedante* = букв. учитель, педагог) – тот, кто излишне строго придерживается мелочных, формальных требований в чём-л.» [1, с. 430]).

Обратим внимание ещё на один момент: активно используя латинизмы и французские (что весьма естественно в тот период), а также итальянские заимствования, Д.И. Фонвизин создавал научную терминологию. Не случайно А.С. Пушкин несколько позднее писал: «... учёность, политика и философия ещё по-русски не изъяснялись – метафизического языка у нас вовсе не существует; проза наша так ещё мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены создавать обороты слов для изъяснения понятий самых обыкновенных...» [5, с. 258].

Лейпциг – город педантов – проследживается и в следующем микротексте: «Из Дрездена поехали мы в Лейпциг, город, в котором живут преучёные педанты. Мы осмотрели не всё достойное примечания. Он показался нам столь же скучен, сколько Дрезден весел» [7, с. 417].

В Лейпциге русского путешественника восхитило абсолютно земное явление – баня: «На другой день приезда в Лейпциг, поутру, ходил я в здешнюю публичную баню мыться. Устройство здешних бань отменно хорошо. Для каждого особливая комнатка с ванной. Вода проведена машиною к стене, к которой прикреплена ванна. У стены подле ванны два винта. Повернув один,пустишь воду тёплую; повернув другой, холодную; так что сидящий в ванной наполняет её столько и такою водою, как сам захочет. Чистота, услуга и удобства, можно сказать, не-

описанны. Жаль, что у нас нет такого приятного и для здоровья полезного установления» [7, с. 509].

Оценка автора абсолютно положительная до восторженности: «отменно хорошо», «приятный», «для здоровья полезный». Подобное описание «публичной бани», с одной стороны, обусловлено отсутствием чего-либо подобного в России (вспомним, как А.С. Пушкин писал о банях Тифлиса), с другой – это почти инструкция по их созданию. Как и предыдущий, микротекст построен в виде сложной синтаксической конструкции.

Следующие два впечатления оцениваются абсолютно отрицательно: «Я в жизнь мою нигде столько не видывал горбунов и горбуш, сколько в Лейпциге. На публичном гулянье, посидев на лавке с полчаса, считал я, сколько проходит горбунов мимо меня, и насчитал девять... Резон горбам тот, что здесь мода водить детей на помочах и что ребёнок в хомуте бродит, опускаясь корпусом на грудь» [7, с. 510]. В данном микротексте обращает на себя внимание два обстоятельства. Во-первых, несовременная форма «горбуш» вместо «горбуний». Во-вторых, Д.И. Фонвизин предстаёт как учёный, стремящийся установить причинно-следственные отношения увиденной аномалии.

Последнее наблюдение распространяется на всю Саксонию: «Нищих в Саксонии пропасть, и самые безотвязные. Коли привяжется, то целый день бродит за тобою. Одним словом, страждущих от всякия скорби, гнева и нужды в такой землишке, как Саксония, я думаю, больше, нежели во всей России» [7, с. 510].

Отрицательная оценка оформлена однокоренными глаголом и прича-

тием («привяжется, безотвязный»), уничижительно-уменьшительным суффиксом *-ишк-*: землишка, а также противопоставлением *землишки* Саксония и огромной России, где, по мнению автора, нищих меньше. Как и в предыдущем примере, Д.И. Фонвизин называет причины нищенства: «всякия скорби, гнев, нужда». Интересно, что нужда стоит на последнем месте, в нашем современном сознании она занимает первое место в перечне причин нищенства.

Таким образом, в Лейпциге автор увидел и хорошее, и плохое, что позволяет говорить о его объективности и внимательности по отношению к проезжаемым землям.

б) Кёнигсберг

В Кёнигсберге Д.И. Фонвизину не понравились архитектура и некоторые обычаи: «Хотя я им никогда не прельщался, однако в нынешний проезд показался он мне ещё мрачнее. Улицы узкие, дома высокие, набиты немцами, у которых рожи по аршину. Всего же больше не понравилось мне их обыкновение: ввечеру в 8 часов садятся ужинать и ввечеру же в 8 часов вывозят нечистоту из города. Сей обычай даёт ясное понятие как об обонянии, так и о вкусе кёнигсбергских жителей» [7, с. 505-506]. «Рожи по аршину» – гипербола – вульгаризм. Возможно, он связан с традиционной антипатией по отношению к Пруссии. Не случайно тараканы в обиходе назывались прусаками.

Однако объективность берёт верх: «На другой день, 1/12 августа поутру рано приехали мы в городок, называемый Прусская Голландия, который нам очень понравился. В трактире, куда пристали, нашли мы чистоту, хо-

роший обед и всевозможную услугу» [7, с. 506].

«2/13-го поутру приехали мы в большой городок Мариенвердер. Тут обедали так дурно, так дорого с нас взяли; но город недурён и чистёхонек» [7, с. 506].

Общими для саксонских и прусских почтальонов является их медлительность: «Я отроду прусским и саксонским почтальонам не кричал: тише! – потому что тише ехать невозможно, как они едут; разве стоять на одном месте» [7, с. 506]. Поневоле приходит на память Н.В. Гоголь: «И какой русский не любит быстрой езды!»

в) Франкфурт

Город оценивается резко отрицательно: «Франкфурт вообще показался нам несносен; мрачность в нём самая ужасная. Надобно в нём родиться или очень долго жить, чтоб привыкнуть к такой тюрьме» [7, с. 506-507].

Обратим внимание на оформление негативной характеристики: и в случае с Кёнигсбергом, и с Франкфуртом – мрачность. В последнем случае она усиливается определениями ‘несносный’, ‘самая ужасная мрачность’ и заключительный аккорд – «тюрьма». При описании Кёнигсберга автор даёт понять, за счёт чего создаётся мрачность: «улицы узкие, дома высокие», то есть отсутствие или недостаток солнечного света – типичные черты готической западноевропейской архитектуры.

г) Нюрнберг¹

Как и в предыдущих случаях, автор обращает особое внимание на архитектуру и обусловившую её привязку к местности: «Сей город положением своим очень странен: стоит весь на го-

рах и с высокого места, каков тутошний замок, кажется не иным чем, как громадою набросанных ненарочно камней; считают в нём до 800 улиц, что и не удивительно, если называют улицами все по горам закоулки, какие на сте шагах обыкновенно встречаются ... узкие улицы и ... множество народа» [7, с. 512].

Авторское неодобрение не столь ярко, как в предыдущих случаях, но всё же очевидно: ‘набросанные ненарочно камни’, ‘закоулки’, называемые улицами.

Не понравился Д.И. Фонвизину и замок, господствующий, судя по предыдущей цитате, над местностью: «... замок таков, в каком честный человек за все престолы света жить не согласится» [7, с. 513]. Обратим внимание на несовременное значение слова ‘честный’ – не тот, кто не обманывает, а тот, кто обладает честью, хотя первое производно от последнего.

Приятно поразила русского путешественника чистота и опрятность города: «В Нирнберге <...> стали в трактире, в котором безмерная чистота и опрятность привели нас в удивление. Вся улица и дома здешние так чисты, что уже походит на аффектацию» [7, с. 511]; «... наблюдается внутри и снаружи домов чистота отменная» [7, с. 512]. Восторг автора оформлен определениями к ‘чистоте’ безмерная, отменная; степень её ‘безмерная’, ‘походит на аффектацию’.

Очень понравился путешественнику стол: «Нирнберг пирожными славен в Европе. Скатерти, салфетки тонки, чисты – словом, в жизнь мою лучшего стола иметь не желал бы» [7, с. 513]. Интересны критерии ‘лучшего стола’ – тонкость и чистота скатертей и салфеток.

¹ Нюрнберг. В статье сохранено оригинальное название города во времена Фонвизина.

д) Боцен

Д.И. Фонвизин приехал в Альпы, где граничат Германия и Италия, немцы и итальянцы: «Сей город окружён горами, и положение его нимало не приятно, потому что он лежит в яме. В нём император сделал теперь большое подкрепление коммерции, и во время ярмарки мы видели превеликое стечение разных наций. Жителей в нём половина немцев, а другая итальянцев. Народ говорит больше по-итальянски. Образ жизни итальянский, то есть весьма много свинства. Полы каменные и грязные; бельё мерзкое; хлеб, какого у нас не едят нищие; чистая их вода то, что у нас помой. Словом, мы, увидя сие преддверие Италии, оробели. 10/21 сентября был я на ярмарке. Под домами сделаны лавки, по которым все купцы и народ бродят, и каждый что-нибудь или продаёт, или покупает. Был я в ратуше, которую нашёл противу чаяния весьма великолепную» [7, с. 519].

В данном отрывке причудливо переплетаются видение государственного деятеля ('император сделал подкрепление коммерции', описание ярмарки, по которой 'бродят купцы и народ' – характеристика негативная) и эмоционального писателя-путешественника (толкование 'свинства'). В то же время ратуша оказалась 'весьма великолепною', что ещё раз свидетельствует о стремлении автора похвалить то, что заслуживает похвалы, и осудить заслуживающее порицания.

Таким образом, Д.И. Фонвизин даёт нам максимально объективную и многогранную характеристику немецких городов.

2. Вторая группа микротекстов связана с нравами, культурой и обычаями Германии.

2а. Дороги и постоялые дворы

Для путешественника очень важны дороги и постоялые дворы, поэтому Д.И. Фонвизин уделяет им особое внимание: в Тироле «Горы и пропасти столь ужасны, что волосы дыбом становятся. Надлежит, однако ж, отдать правительству справедливость, что дороги сделаны и содержатся так хорошо, как я нигде не находил; аспекты страшные, но нет ни малейшей опасности. Все опаснейшие места завалены камнями, и дорога такова, что две кареты разъехаться могут» [7, с. 516]. Снова наблюдается видение как государственного чиновника, отдающего дань справедливости правительству, так и писателя, увидевшего столь ужасные горы и пропасти, что 'волосы дыбом становятся'.

Прежде всего Д.И. Фонвизин утверждает превосходство немецких постоялых дворов перед французскими: «... во всех французских обержах [постоялых дворах – фр.], которые все перед немецкими гроша не стоят» [7, с. 419].

О положительной оценке Прусской Голландии мы уже писали, однако в Мариенвердере «... обедали так дурно, так дорого» [7, с. 506]; «... от самого Лейпцига до здешнего города (Ниренберга. – Л.И.) было нам очень тяжело. Дороги адские, пища скверная, постели осыпаны клопами и блохами» [7, с. 508]. Характеристики эмоциональные отрицательные: повторяющиеся обстоятельства, создающие градацию ('так дурно, так дорого'), определения 'адские', 'скверная', апогей – постели, осыпанные клопами и блохами. Думается, что такая разнородность оценок обусловлена пестротой Германии того периода: «Проехав Саксонию, выехали

мы в империю. Что ни шаг, то новое государство» [7, с. 417].

2б. Искусство Германии

Д.И. Фонвизин отдал дань живописи, театру, музыке и архитектуре.

Среди художников русский путешественник выделил А. Дюрера, хотя работы его оценил весьма сдержанно: в Нирнбергском замке «Мы осматривали <...> картины Альбрехта Дюрера, славного больше за старину, нежели за искусство, потому что в его время живопись в Европе была ещё в колыбели» [7, с. 513]. «... были мы в ратуше, украшенной картинами Альбрехта Дюрера. Он родился в здешнем городе, работал много, и, куда ни обернись, везде найдёшь его работу» [там же].

С одной стороны, картины А. Дюрера «украшают» (то есть оценка положительная), с другой стороны, его популярность обусловлена не живописной ценностью, а «старинной» и большим их количеством, поскольку А. Дюрер родился в Нирнберге и много творил.

Заинтересовали путешественника и неизвестные миру художники: «2/13 сентября лазил я по чердакам, на которых умирают с голоду бедные художники, и осматривал их работы. Надобно отдать справедливость, что между ними есть мастера с великими достоинствами, но, так же как и в Нирнберге, работы их никто не покупает, мещане ничего не смыслят, а больших господ нет. Первые люди, то есть патриции, не заслуживают человеческого имени. Знатные и одною спесью надутые скоты презирают тех, которыми начальствуют» [7, с. 515].

В данном микротексте противопоставляются умирающие с голоду по чердакам «мастера с великими досто-

инствами» и ничего не смыслящие в живописи мещане, а особенно патриции, гневно оцениваемые автором как «надутые скоты», «не заслуживающие человеческого имени».

Аналогичную отрицательную оценку заслужил театр: «... ездил в комедию. Театрик мерзкий, и зала походит больше на чулан, нежели на залу. Жар и духота были такие, что я пять минут не устоял» [7, с. 513].

Отметим, что возмущение Д.И. Фонвизина вызывает прежде всего помещение театра: уничижительный суффикс *-ишк-* (*театришка*), сравнение его с чуланом, сопутствующая помещению «жар и духота».

В Нирнберге Д.И. Фонвизин «... смотрел ратушу, великолепием своим любопытства достойную. Она первая во всей Германии. Зала прерогромная, расписана прекрасно и раззолочена пребогато» [7, с. 519]. Положительная оценка оформлена, во-первых, за счёт эмоциональной лексики 'великолепие', 'прекрасная', 'раззолочена', а также приставок *пре-*, передающих высшую степень качества. Таким образом, ратуши за счёт украшений восхищают автора.

Восторг писателя вызвал орган: «... в соборной видел и слышал я орган первый в свете. Он подражает совершенно многим инструментам и птичьему пению. Я был в восхищении <...> слушав сей прекрасный и для меня новый инструмент» [7, с. 520].

2в. Церковь

Д.И. Фонвизин активно посещал соборы, но они интересовали его прежде всего с точки зрения архитектуры и живописи. Так, в Боцене «11/22-го утром ходил я по церквам, из которых во многих есть прекрасные картины»

[7, с. 520]. «13/24-го поутру ходил я по церквам смотреть прекрасных картин ... Я был в восхищении смотря на двери, расписанные превосходным искусством Романиния» [7, с. 520]. Таким образом, оценка церковной живописи самая высокая: «прекрасные картины», «превосходное искусство».

В Ниренберге «... казали нам модели святых вещей, ибо подлинны сохранены и никому, кроме коронованных глав, их не кажут. Художник, делавший сии модели, не имел, кажется, нужды ни в большом труде, ни в большом искусстве. Святые вещи состоят в копье, коим Христос прободён был на кресте, в крестном гвозде, в частице самого креста, в отломке яслей вифлеемских, в лоскутке скатерти, посланной на тайной вечере, и в лоскутке лентия, коим Христос утирал ноги на умовении» [7, с. 513].

В отличие от живописцев, расписывавших церкви, художник, делавший модели, оценивается отрицательно: «не имел нужды ни в большом труде, ни в большом искусстве». Интересно, что труд стоит прежде искусства, то есть первое обуславливает второе.

Недоумение Д.И. Фонвизина вызывает винный погреб церковного иерарха: «... показали нам погреб его преосвященства, в котором несколько сот страшных бочек стоят с винами издревле. Меня потчевали из некоторых, и я от двух рюмок чуть не с ног долой. Казалось бы, что в духовном состоянии таким изобилием винных бочек больше стыдиться, нежели хвастать надлежало; но здесь кажут погреб на хвастовство» [7, с. 520]. Крепкие вина («от двух рюмок чуть не с ног долой») в погребе «его преосвященства» однозначно осуждаются: «страшные боч-

ки», «изобилием» их «больше стыдиться, нежели хвастать надлежало».

2д. Обычай

Д.И. Фонвизин отмечает: «... возили нас на гульбище, называемое Семь столбов. Все немецкие гульбища одинаковы. Наставлено в роще множество столиков, за каждым сидит компания и прохлаждается пивом и табаком. Я просил кофе, который мне тотчас и подали. Таких мерзких помой я отроду не видывал – прямое рвотное» [7, с. 515].

Традиция «гульбищ» с пивом сохранилась в Германии и Австрии по сей день. Кофе там не пили, возможно, поэтому его качество вызвало отвращение автора, оформленное крайне эмоционально на рани просторечия: ‘мерзкие помой’, ‘прямое рвотное’.

Пивному празднику писатель противопоставляет чаепитие: «По возвращении домой мы потчевали компанию чаем, который немцы пили как нектар» [7, с. 515]. Таким образом, немцам понравился ставший русской традицией напиток – «нектар».

3. Немцы

Немцы оцениваются как самостоятельно, так и на фоне других народов.

Мы уже писали о гневном осуждении немецких «патрициев». О немцах как о народе Д.И. Фонвизин пишет иначе. Впервые, отмечается их самобытность: «... немцы ... кроме самых себя, ни на кого не походят» [7, с. 425]; во-вторых, подчёркивается гостеприимство городничего Фридланда: «... все они приняли нас с несказанною искренностью; отвели нам комнату, дали нам постели и угощали нас так, что мы вечно не забудем их гостеприимства» [7, с. 507].

Немецкие и русские простолюдины одинаково осуждаются. Д.И. Фонвизин пишет о кучере Калинине, кре-

стьянине Л.А. Нарышкина: «Борода его наконец нам и надоела: смотреть его собиралось около нашей кареты премножество людей; маленькие ребята бегали за ним, как за чудом. Он так зол на немцев и такую к ним имеет антипатию, что иногда мы, слыша его рассуждения, умирали со смеху. По его мнению, русских создал бог, а немцев чёрт. Он считает их наравне с гадиною и думает, что, раздавя немца, бога прогневить нельзя» [7, с. 510].

Такое отношение к немцам Д.И. Фонвизин ни в коей мере не поддерживает, отдавая им предпочтение по отношению к французам и итальянцам: «... немцы простее французов, но несравненно почтеннее, и я тысячу раз предпочёл бы жить с немцами, нежели с ними [французами. – Л.И.]» [7, с. 434]. Однако «По-французски немцы говорят столь скверно, сколь и неохотно» [7, с. 510].

С одной стороны, итальянцы значительно шумливее немцев: «Трое итальянцев в комнате нашумят гораздо больше двадцати немцев» [7, с. 521], с другой – «Надобно отдать справедливость немецкой земле, что в ней житьё вполы дешевле и вдвое лучше» [7, с. 521].

Завершим характеристику рецепции Д.И. Фонвизина Германии и немцев следующим обобщением автора: «Вообще сказать могу беспристрастно, что от Петербурга до Ниренберга баланс со стороны нашего отечества перетяги-

вает сильно. Здесь во всём генерально хуже нашего: люди, лошади, земля, изобилие в нужных съестных припасах – словом, у нас все лучше, и мы больше люди, нежели немцы. Это удостоверение вкоренилось в душе моей, кто б что ни изволил говорить» [7, с. 509].

Таким образом, автор-патриот видит превосходство России как в природных условиях, так и в гуманности русских людей.

Завершая статью, посвящённую рецепции Германии и немцев Д.И. Фонвизиним, отметим, что мы проанализировали личные письма, то есть не предназначенные для чужих глаз, возможно, данный факт обусловил резкость некоторых оценок, фрагментарность описаний, ведь человек обращает прежде всего внимание на то, что существенно отличается от привычного. Д.И. Фонвизин характеризовал города, обычаи немцев, архитектуру и искусство Германии. В письмах предстаёт многогранный облик автора: учёный, стремящийся выявить причинно-следственные отношения, эмоциональный писатель, доброжелательный и любознательный человек.

Таким образом, данная статья очень важна для характеристики Германии и немцев в русском языковом сознании XVIII века, однако в начале XX века в сознании наших соотечественников произошли изменения [3].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Булыко А.Н. Большой словарь иностранных слов. 35 тысяч слов / изд. 2-е, испр. М.: «Мартин», 2008. 704 с.
2. Иванова Л.П. Отображение языковой картины мира автора в художественном тексте (на материале романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин»): учебное пособие к спецкурсу. 2-е изд. доп. К.: Освита Украины, 2006. 140 с.
3. Иванова Л.П. Русский Берлин в лингвоимагологическом аспекте. К.: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2017. 108 с.

4. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10-ти томах. Том 5: «Евгений Онегин». Драматические произведения / текст проверен и примечания составлены проф. Б. В. Томашевским. Изд. 3-е. М.: Наука, 1964. 638 с.
5. Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10-ти томах. Том 6. Критика и публицистика. М.: ГИХЛ, 1962. 586 с.
6. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. М.: Наука, 1971. 294 с.
7. Фонвизин Д.И. Собрание сочинений в 2 томах. Том 2 / составление, подготовка текста и комментарии Г. П. Макогоненко. М.-Л.: ГИХЛ, 1959. 742 с.

REFERENCES

1. Bulyko A. N. *Bol'shoi slovar' inostrannykh slov. 35 tysyach slov* [Big dictionary of foreign words. 35 thousand words]. 2nd ed., rev. Moscow, Martin Publ., 2008. 704 p.
2. Ivanova L. P. *Otobrazhenie yazykovoi kartiny mira avtora v khudozhestvennom tekste (na materiale romana A.S.Pushkina «Evgenii Onegin»): uchebnoe posobie k spetskursu* [Displaying the language picture of the author's world in a literary text (on the material of A. Pushkin's "Eugene Onegin")]. 2nd ed., Kiev, Osvita Ukrainy Publ., 2006. 140 p.
3. Ivanova L. P. *Russkii Berlin v lingvoimagologicheskom aspekte* [Russian Berlin in linguistic-imagological aspect]. Kiev, Dmitriy Burago Publ., 2017. 108 p.
4. Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochinenii v 10-ti tomakh. Tom 5: «Evgenii Onegin». Dramaticheskie proizvedeniya* [Complete works in 10 volumes. Volume 5: "Eugene Onegin". Drama] / translated and annotated by Prof. B. Tomaszewski. 3rd ed., Moscow, Nauka Publ., 1964. 638 p.
5. Pushkin A. S. *Sobranie sochinenii v 10-ti tomakh. Tom 6. Kritika i publitsistika* [Collected works in 10 volumes. Volume 6. Criticism and journalism]. Moscow, GIKHL Publ., 1962. 586 p.
6. Solntsev V. M. *Yazyk kak sistemno-strukturnoe obrazovanie* [Language as a systemic-structural formation]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 294 p.
7. Fonvizin D. I. *Sobranie sochinenii v 2 tomakh. Tom 2* [Collected works in 2 volumes. Volume 2]. Moscow-Leningrad, GIKHL Publ., 1959. 742 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иванова Людмила Петровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры славянских языков факультета иностранной филологии Национального педагогического университета имени М.П. Драгоманова, Киев, Украина;

e-mail: lupiv@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ludmila P. Ivanova – Doctor in Philological sciences, professor, professor at the Department of the Slavonic Languages in Foreign Philology Faculty, Dragomanov National Pedagogical University, Kiev;

e-mail: lupiv@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Иванова Л. П. Германия и немцы в восприятии Д.И. Фонвизина (лингвоимагологический аспект) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 3. С. 6-17.

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-3-6-17

CORRECT REFERENCE

L. Ivanova. Germany and the Germans in the perception of D. Fonvizin (linguistic-imagological aspect). In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2017, no. 3, pp. 6-17.

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-3-6-17